

2. Государственный архив общественно-политических организаций Тюменской области (Далее – ГАОПОТО). Ф.107. Оп.1. Д.654. Л.75.
3. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.654. Л.78.
4. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.654. Л.77-78.
5. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.658. Л.111-112
6. Андросенко В.И. Ханты-Мансийск. 1979. С.57
7. ГАОПОТО. Ф.107. Оп.1. Д.1283 . Л.2.

Баранов Е.Ю.
(Екатеринбург)

**Факторы кризиса сельскохозяйственного производства
Уральской области
в начале 1930-х годов в контексте модернизационной теории***

В исторической литературе сегодня активно обсуждается кризис сельского хозяйства в СССР в начале 1930-х годов. Среди ученых возникла дискуссия по вопросу иерархии факторов кризиса и его хронологических рамок. Выделяются следующие факторы кризиса: плохие погодные условия 1931 и 1932 гг., которые негативно отразились на урожае, коллективизация, раскулачивание, хлебозаготовительная политика советского руководства, «саботирование» крестьянами сельскохозяйственных кампаний, недостаточная агрикультурная работа, нарушение агротехнических правил.

Посмотрим на данный кризис в контексте модернизационной теории. Советский опыт модернизации сельского хозяйства конца 1920-х – начала 1930-х гг. состоял в механизации, внедрении новых агротехнологий, снижении до минимума рыночных механизмов регулирования экономики сельского хозяйства, становлении нового хозяйственного уклада, ставка в котором делалась на коллективную форму производства и его народнохозяйственном планировании. Причем социально-экономическая трансформация советской деревни обеспечивала, прежде всего, потребности индустриального развития страны (1).

Основным содержанием развития сельского хозяйства в годы первой пятилетки стала коллективизация. В 1932 г. колхозами было охвачено 59,3% крестьянских хозяйств по сравнению с 1,9% хозяйств в 1928 г. (2). В уральской историографии можно встретить различные данные о проценте коллективизированных хозяйств в 1932 г. (60%, свыше 68%, 70% всех крестьянских хозяйств (3)).

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда «РГНФ – Урал» проект № 04 – 01 – 83102 а/У

Колхозное движение шло по возрастающей быстрыми темпами. Резкое снижение доли коллективизированных крестьянских хозяйств в период с конца марта по сентябрь 1930 г. связано с временным отступлением советского руководства от проведения коллективизации насильственными, административными методами. Доля коллективизированных хозяйств уменьшилась с 70,5 до 26,3% (4). Причиной спада колхозного движения и снижения темпов коллективизации зимой – весной 1932 г. явилось тяжелое положение многих колхозов, вызванное засухой и недородом 1932 г. в зерновых районах, организационно-хозяйственной неустойчивостью большинства колхозов, ошибками, допущенными при обобществлении скота. Сокращение численности колхозов зимой – весной 1932 г. составило примерно 22%. Но спад колхозного строительства зимой – весной 1932 г. по своим масштабам и продолжительности не может сравниться со спадом весны – лета 1930 г.

Высокими темпами на Урале шло совхозное строительство. В 1928 г. в области был 51 совхоз (5). В 1932 г. их число увеличилось до 277. Трестированных совхозов в 1929 г. насчитывалось 23 из 52, в 1932 г. – 136, в 1933 г. – 139 (6). Удельный вес совхозного сектора в сельскохозяйственном производстве Урала в конце 1932 г. составлял 10% (7).

Советское руководство предоставляло значительные денежные средства на развитие перспективных, по его мнению, форм организации сельскохозяйственного производства. В 1931 и 1932 гг. более половины всех средств, вкладываемых в сельское хозяйство области, шло на развитие социалистического сектора (82 и 94,6 млн соответственно (8)). Значительные государственные средства шли на совхозное строительство, особенно на покупку дорогостоящего импортного оборудования. Однако приобретенная техника использовалась в хозяйствах только на 25 – 30% (9).

Приоритет, отдаваемый государством колхозно-совхозному сектору, проявлялся не только в увеличении капиталовложений, но и в снабжении его техникой. В 1929 г. в области начались организация тракторных колонн, строительство первых государственных машинно-тракторных станций: Шумихинской, Щучанской, Петуховской, Лебяжьевской, Карталинской и др. (10). Выросла мощность тракторного парка, который в начале 1930-х годов состоял в основном из колесных тракторов разных мощностей «СТЗ» и «ХТЗ», «Фордзон», «Интер22/36», «Кейс22/36» (11). Однако рост числа МТС не сопровождался пропорциональным увеличением тракторов. В 1930 г. на одну МТС приходилось 47,75 тракторов, в 1931 г. – 30,52, в 1932 г. – 22,76, в 1933 г. – 43,29 (12). С каждым годом увеличивалось число колхозов, обслуживаемых станциями, при этом МТС не достаточно снабжались машинной техникой, что отрицательно влияло на качество проведения сельскохозяйственных кампаний, прежде всего в колхозах. Доля колхозов, обслуживаемых МТС, осенью 1933 г. достигла 37,9% (13) в общем числе колхозов области, хотя до конца первой пятилетки уральские МТС обслуживали

менее трети колхозов области (14). Тракторный парк колхозов, не обслуживаемых МТС, сокращался.

Вместе с тракторным парком в уральских МТС появилось значительное количество комбайнов и грузовых автомашин, которые еще в 1931 г. имелись не на всех МТС области. Однако их число также не росло пропорционально количеству МТС (1930 г. – 3,25 грузовых автомашин на одну МТС, 1932 г. – 1,39) (15). Если говорить о производственной деятельности МТС, то ими не выполнялись планы вспашки паров, заготовки зяби, сеноуборочной кампании и силосования.

Общий тракторный парк Уральской области в 1928 – 1933 гг. вырос в 13,6 раза (16). До 1930 г. основной массив тракторов находился в колхозах области. Затем начался быстрый рост тракторного парка совхозов, МТС. Наличие тракторов влияло на состояние тягловой силы. Но вследствие их недостатка и низкой доли механической тяги в общем объеме тягловой силы области, тракторный парк не имел решающего значения при обработке земли. Изучение динамики тягловой силы показало, что с 1929 г. шло ежегодное ее сокращение. Прежде всего, это связано с уменьшением числа тягловых животных. По сравнению с 1927 г. количество рабочих лошадей к 1933 г. уменьшилось больше, чем в 2 раза, рабочих волов – почти в 3 раза (17), однако они оставались основной тягловой силой. Такая ситуация сложилась вследствие падежа скота из-за нехватки кормов и чрезмерной нагрузки, а также нежелания крестьян обобществлять скот, приводившего к забою животных.

Сокращение поголовья рабочих лошадей и расширение посевов вели к увеличению нагрузки лошадей по обработке земли. Нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем по области в 1930 – 1932 гг. выросла почти в два раза. Более высокой нагрузка лошадей в 1931 и 1932 гг. была в Центральном и Южном Зауралье – основных сельскохозяйственных районах области – вследствие наиболее значительного увеличения посевной площади. В декабре 1932 г. в письме в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину секретарь Уралобкома ВКП(б) И.Д. Кабаков писал о сложившейся критической ситуации с рабочими лошадьми, сравнивая их нагрузку в 1928 и 1932 гг.: «нагрузка на лошадь за 4 года по области увеличилась с 3 га до 8,3 га, причем в колхозах нагрузка в 1932 году достигла 10,3 га...Сложилось исключительное положение. В Южном Зауралье на каждую лошадь в 1928 году было посеяно 4,2 га, а в 1932 году 15 га. В Центральном Зауралье в 1928 году было посеяно 3,1 га, а в 1932 году в колхозах 14,2 га» (18). По отдельным районам в колхозах показатели нагрузки на лошадь в 1932 г. были более высокими, чем максимальные значения средней нагрузки в зерновых регионах области. Так, в колхозах Лебяжьевского района нагрузка на одну тягловую единицу составила 23 га посева, Петуховского – 22 га, Подвинного – 20,7 га, Усть-Уйского – 19,5 га, Полтавского – 17,97 га, Макушинского – 17,8 га, Ялано-Катайского – 15 га и т.д. (19). В Центральном и Южном Зауралье наибольшую среднюю нагрузку на одну рабочую лошадь (свыше 20 га) в 1932 г. имели следующие

районы: Лебяжьевский – 25,40, Петуховский – 22,05, Подовинный – 21,32, Магнитогорский – 20,84 га (20). Причем эти районы являлись основными по площади посева зерновых и по объемам хлебозаготовок.

Перемены в социально-экономической структуре уральской деревни сопровождались изменениями в основных показателях аграрного производства. Размеры посевных площадей увеличились с 1928 г. по 1933 г. на 32,6%: с 5165,6 тыс. до 7669 тыс. га (21). Причем в 1930 – 1933 гг. наблюдался ежегодный прирост посевной площади. Посевные площади колхозов выросли так, что в 1932 и 1933 гг. колхозы имели свыше трех четвертей всех посевов области. В эти же годы, но не в таких больших масштабах, расширялись площади посевов в совхозах. И в 1932, 1933 гг. социалистический сектор сельского хозяйства обрабатывал более 90% посевных площадей Уральской области (22). Таким образом, к концу первой пятилетки колхозы и совхозы заместили в полеводстве единоличные хозяйства. При этом следует учитывать, что в полеводческой отрасли сельского хозяйства произошел поворот в направлении первоочередного обслуживания потребностей городского населения и нужд легкой и перерабатывающей промышленности.

Посевные площади зерновых и бобовых культур увеличились на 24,5%: с 4775,6 тыс. га в 1928 г. до 5947,5 тыс. га в 1933 г. В погоне за ростом зернопроизводства в неурожайные 1931 и 1932 гг. они достигали соответственно 6269,7 тыс. и 6088,2 тыс. га (23). В структуре посевных площадей вырос удельный вес овощных, технических и кормовых культур. Однако, площади сенокоса в области с 1931 по 1933 гг. сократились на 11,8% (24), что негативно отразилось на кормовой базе.

Полеводство в Уральской области носило экстенсивный характер. Развитие этой отрасли не сопровождалось повышением урожайности. Она зависела от природно-климатических условий региона и качества проводившихся агротехнических мероприятий (культивирование земли, сроки проведения посевной кампании). В годы сплошной коллективизации в области недостаточно качественно проводились паровая и зяблевая обработки почвы. За сокращением площади паровой земли последовало истощение почвы. Уменьшение зяблевой вспашки привело к понижению всхожести растений, засоренности всхода сорняками и сельскохозяйственными вредителями, болезням растений. Большая часть сева проводилась по весновспашке, что увеличивало его сроки.

Сельское хозяйство Уральской области испытывало недостаток в минеральных удобрениях. В 1931 – 1933 гг. происходило ежегодное сокращение их завоза. Не осуществлялся в соответствии с планом их завоз в 1931 и 1932 гг. В 1931 г. совхозы и колхозы области поступило 76,4% (25441,6 т) намеченного плана завоза минеральных удобрений, в 1932 г. – 72,3% (24110,5 т). Но по сравнению с поступлениями 1930 г. (13459 т) рост был очевиден (25). Наметились позитивные сдвиги в структуре завоза минеральных удобрений. В 1931 и 1933 гг. в область кроме калийных и фосфорных

доставляли еще азотистые удобрения, которые составляли еще незначительную часть общей массы удобрений (2% и 3% соответственно (26)). Следует учитывать отсутствие опыта химизации сельскохозяйственного производства в уральской деревне до 1930-х гг. Ранее крестьяне, стремясь наиболее эффективно использовать свои земельные наделы, для восстановления плодородия использовали биологические (навоз) и искусственные (известь, зола) удобрения.

Существенное значение для сельского хозяйства имеет время проведения посевной кампании, а в связи с краткостью вегетативного периода на Урале ее необходимо было проводить в сжатые сроки. Поздние посевы, производившиеся после 1 июня, в большинстве районов в значительной части не дозревали из-за наступавших заморозков или дозревали поздней осенью, когда осложнялось дело с уборкой урожая в связи с распутицей. В 1931 – 1933 гг. в Уральской области запаздывали с проведением ярового сева. Основная часть сева проводилась в конце мая – июне, сев затягивался до конца июня. С проведением посева особенно опоздали в 1932 г., когда по состоянию на 1 июня было засеяно лишь 57% всей посевной площади (27). Замедление темпов сева в 1931 – 1932 гг. стало одним из факторов снижения урожайности. Хотя в 1931 г. они были более высокими, чем в 1933 г. Так, на 1 июня 1931 г. было засеяно 74,4% площади ярового сева, в 1933 г. – лишь 61,9% (28), а с урожаями произошло обратное. Это говорит о наличии иных причин снижения урожая, чем запаздывание с проведением сева, и влияние на них плохих погодных условий. В целом, на урожаях отразился низкий уровень агротехники.

Средняя урожайность зерновых культур в области за рассматриваемый период уменьшилась на 27,4% (с 9,8 до 7,3 ц с га) (29). Снижение урожайности, не обернувшееся для сельского хозяйства непосредственным кризисом, произошло в 1929 г. Резкий спад урожайности зерновых культур наблюдался в 1931 г. Толчком к недороду стала засуха, распространившаяся почти по всей территории Урала. Количество осадков, выпавших на Южном Урале, во время созревания яровых хлебов (с 11 апреля до 11 июня) было в четыре раза меньше необходимого для нормального роста растений. В Зауралье летом 1931 г. значительная часть посевов погибла от суховея (30). В целом по Уральской области урожайность зерновых составила 2,72 ц с га (31), а в Центральном и Южном Зауралье (основных зернопроизводящих районах области) – соответственно 1,4 и 0,6 ц с га. В Южном Зауралье пшеницы собрали 0,6 ц с га, ржи – 1,1, овса – 0,3, проса – 1,9, ячменя – 0,2 (32). Погектарные сборы в северных районах в несколько раз превышали сборы в Южном Зауралье, но посевов там было меньше, поэтому и урожай 1931 г. оказался низким. В следующем 1932 г. погодные условия оказались также неблагоприятными. Второй год подряд был недород хлебов. Урожайность зерновых в колхозах Уральской области достигла 5,2 ц с га (33), что было выше, чем в целом по Уралу (4,6 ц с га), но ниже, чем по РСФСР (6,5 ц с га)

и СССР (6,8 ц с га) (34). В том же году в области был получен самый низкий урожай картофеля.

В северных районах, Предуралье и горнозаводском Урале и в течение 1928 – 1932 гг. урожаи были более высокими, чем в Центральном и Южном Зауралье. При определении причин низких урожаев 1931 и 1932 гг. следует учитывать стремление центрального и местного руководства быстрее провести коллективизацию в главных земледельческих районах области. И к концу первой пятилетки в Зауралье было коллективизировано 67,8% крестьянских хозяйств, а в целом по области – 60% (35). То есть в зоне, в большей степени ответственной за производство полеводческой продукции, колхозное строительство разворачивалось гораздо шире. В 1927 – 1929 гг. колхозы находились в более выгодном положении вследствие лучшего обеспечения колхозов сельскохозяйственным инвентарем, протравленными семенами. Но уменьшение паровой вспашки, нарушение севооборота отрицательно сказывались на плодородии почвы, вели к ее истощению.

Следует отметить, что в 1930 – 1933 гг. средняя урожайность зерновых была выше в единоличных хозяйствах и индивидуальных хозяйствах колхозников. В неурожайном 1931 г. она составила 4,2 ц с га в отличие от урожаев колхозов – 2,54 ц с га и совхозов – 1,27 ц с га. А в следующем 1932 г. она достигла 6,7 ц с га, находясь на уровне 1929 г. Таким образом, несмотря на все социальные и экономические потрясения, единоличный сектор показал лучшую способность к производству сельскохозяйственной продукции. Он и в 1933 г. превзошел в показателях урожайности колхозно-совхозный сектор (7,83 ц с га по сравнению с 7,1 – в колхозах и 7,02 – в совхозах) (36).

В период с 1928 по 1933 гг. в валовой продукции зерновых культур значительно вырос удельный вес колхозов: с 1,6 до 82,8%, и уменьшилась с 98,1 до 6,7% доля единоличных хозяйств (37). Колхозы стали основными производителями сельскохозяйственной полеводческой продукции, но в первые годы своего доминирования они не смогли обеспечить необходимых объемов производства. Объемы валовой продукции зерновых культур в области за 1928 – 1933 гг., несмотря на рост посевных площадей, не только не увеличились, но и снизились на 9,5%: с 46891 до 42445 тыс. ц. В 1931 г. производство зерновых сократилось в 2,6 раза по сравнению с 1928 г. Областные валовые сборы зерновых 1932 г. были на 32,9% ниже сборов 1928 г. (38).

Сокращение производства сельскохозяйственной продукции влекло ослабление кормовой базы. Это отрицательно сказывалось на численности скота. С 1927 по 1933 гг. поголовье скота в области уменьшилось по всем категориям хозяйств: овец и коз – на 50,73%, свиней – на 66,95%, лошадей – на 61,0%, крупного рогатого скота – на 50,3%, в том числе коров – на 35,85% (39). Значительное сокращение поголовья скота в области произошло в 1930 – 1932 гг. Основными причинами были: забой крестьянами личного скота

из-за нежелания отдавать его в колхозное стадо и для употребления в пищу в «голодные годы»; падеж скота из-за недостатка кормов и чрезмерной нагрузки на полевых работах. Лишь в 1934 г. удалось приостановить падение поголовья.

Советское руководство не реагировало адекватно на сложившуюся в уральской деревне кризисную ситуацию, усилению которой способствовала заготовительная политика советского руководства, направленная на максимальное изъятие сельскохозяйственной продукции из деревни и обеспечение продовольственные и материальные потребности форсированной индустриализации. С этой целью советское руководство увеличивало заготовительные планы. Планы хлебозаготовок из урожаев 1931 и 1932 гг. превышали планы конца 1920-х годов почти в два раза. В ходе хлебозаготовительных кампаний изымалось даже зерно из семенных, кормовых и личных крестьянских фондов. В счет хлебозаготовок в эти годы из уральской деревни было вывезено по разным оценкам от 32 до 43 – 45% собранного зерна (40).

В связи с чрезмерным изъятием в ходе заготовок сельскохозяйственной продукции в уральской деревне с 1928 г. стали возникать продовольственные затруднения, которые в 1932 – 1933 гг. обернулись голодом для населения региона. Наиболее пораженными голодом были районы Центрального и Южного Зауралья. Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзного демографического кризиса начала 1930-х гг., который коснулся и населения Уральской области.

Итак, коллективизация уральской деревни, сопровождавшаяся раскулачиванием, привела с 1931 г. к доминированию социалистического сектора в сельском хозяйстве области. Но вместе с тем, 1931 г. – это начало резкого спада сельскохозяйственного производства, продолжавшегося до 1933 г., основные причины которого были заложены самим ходом аграрной революции. Несмотря на приоритетное государственное материально-техническое и агротехнологическое оснащение, колхозно-совхозный сектор не смог противостоять природно-климатическим условиям и удержать объемы производства. Среди объективных (плохие погодные условия) и субъективных (комплекс мер, решений советского руководства, определяющих аграрную политику) факторов кризиса сельскохозяйственного производства мы, прежде всего, выделяем политику советского руководства по смене хозяйственного уклада (в т.ч. формы организации производства) в деревне, которая воплощалась форсированными темпами, недостаточными механизацией и агрикультурной работой при расширении посевных площадей.

Ставить на первое место в иерархии факторов кризиса плохие погодные условия, на наш взгляд, нельзя еще потому, что и в 1929, 1930 гг., как свидетельствуют архивные документы, недород наблюдался в отдельных районах области. Но он не привел в целом к стремительному падению сельскохозяйственных показателей и последовавшему кризису не только региональной аграрной экономики, но и социальной сферы.

В рамках концепции агроперехода кризисные явления в сельскохозяйственном производстве Уральской области в начале 1930-х годов объясняются началом очередного периода трансформации аграрной сферы (41). Но объективные трудности модернизационных процессов, вероятно, могли иметь не столь серьезные социально-экономические последствия (как, например, голод) при более гибкой аграрной политике советского руководства.

1. См.: Корнилов Г.Е., Пересторонина Л.И., Каракулов Д.В. Аграрная сфера Урала в условиях модернизации (первая четверть XX в.) // Уральский исторический вестник. №5 – 6. (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). Екатеринбург, 2000. С. 381; Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в Российской истории: Докл. междунар. науч. конф., 2 – 3 июля 2004 г. Екатеринбург – М., 2004. С. 136 – 144.
2. См.: Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 95, 100.
3. История народного хозяйства Урала: В 2ч. Свердловск, 1988. Ч. 1: 1917–1945. С. 131; Крумин Г.И. Итоги первой пятилетки и контрольные цифры Урала на 1933 год (Дополненная стенограмма доклада на объединенном пленуме Обкома и ОблКК ВКП (б) 22 января 1933г.). М., Свердловск, 1933. С. 27; Власова Л.П., Ефременков Н.В. Социально-экономические изменения в уральской деревне в результате коллективизации сельского хозяйства // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Сб. 3. Свердловск, 1972. С. 65.
4. См.: Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928 – 1933 гг.: Дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 44: Таблица 1. Динамика коллективизации крестьянских хозяйств в Уральской области в 1928 – 1933 гг.
5. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 2. Д. 85. Л. 15.
6. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 131; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 99.
7. Алексеева Л.В. Сельскохозяйственное производство Уральской области в годы первой пятилетки (1928 – 1932гг.): Автореф. дисс...канд. ист. наук. С. 14.
8. Власова Л.П., Ефременков Н.В. Указ. соч. С. 68; ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.
9. Алексеева Л.В. Указ. соч. С. 14.
10. История народного хозяйства Урала Ч. 1. С. 117.
11. ГАСО. Ф. Р–1824. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 10, 11.
12. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 92, 97. Расчеты проводились без учета числа МТС и тракторов Сеноцентра
13. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 97.
14. История народного хозяйства Урала Ч. 1...С. 157; Алексеева Л.В. Указ. соч. С. 16.
15. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 97.
16. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 92.
17. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 93.
18. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 225. Л. 85.
19. Там же.
20. ГАСО. Ф. Р–1824. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 а.
21. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.

22. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.
23. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.
24. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 94.
25. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 80.
26. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 80.
27. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 78.
28. Там же.
29. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
30. История крестьянства СССР. История советского крестьянства. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937. М., 1986. С. 255.
31. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
32. Уральское хозяйство в цифрах. 1931 – 1932 гг. Свердловск, 1933. С. 167.
33. ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 75, 76.
34. История крестьянства СССР. Т. 2. С. 256.
35. История народного хозяйства Урала. Ч. 1. С. 131.
36. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
37. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
38. См.: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 76.
39. Подсчитано по: ГАСО. Ф. Р–1812. Оп. 1. Д. 20. Л. 82.
40. См.: ГАРФ. Ф. А - 262. Оп. 1. Д. 3794. Л. 49, 49 об., 50; Баранов Е.Ю. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928 – 1933 гг.: Автореф. дисс...канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. С. 20; Он же. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1930 – 1933 гг. // Научно-педагогические чтения. Екатеринбург, 2002. С. 54 – 56; Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 56.
40. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке...С. 136 – 137.

**Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е.
(Екатеринбург)**

Историография аграрного производства и продовольственного обеспечения в условиях “революции сверху”*

Обеспечение продовольственной безопасности страны актуализирует региональные исследования по определению потенциальных возможностей продовольственного самообеспечения индустриально развитых территорий. Исторический опыт России предостерегает, что нехватка продовольствия, угроза голода приводили к массовому недовольству и социальным потрясениям.

Историки все чаще сталкиваются с проблемами, анализ которых возможен только на стыке различных дисциплин, что позволяет выйти на новый уровень восприятия и обобщения исторических процессов. К разряду сложноструктурированных тем относится и изучение продовольственного